

Глава 14 — Выход из заточения

Эмили просыпается незадолго до семи и, ещё сонная, кутается в мантию до прихода служанок. Они, как и прежде, приходят и уходят молча, забирая её грязную одежду и принося сытную еду. Эмили ест, попутно решая, в каком порядке ей провести день.

Мне нужно чуть меньше семи часов на каждый цикл Ткани заклинаний и медитации, так что за день я могу сделать только два полных цикла. Это оставляет мне около двух часов на еду, упражнения и душ. После еды буду делать лёгкую тренировку, чтобы выжать максимум из медитации. Может, так я смогу быстрее прокачивать физические характеристики.

Прикончив миску супа, она с энтузиазмом поднимается и надевает свежую одежду, точно такую же, какую ей дали позавчера. Затем двадцать минут делает сокращённую версию своей тренировки, тратя всего 43 единицы выносливости, после чего садится на пол и снова погружается в Ткань заклинаний.

Она входит в рутину, и два дня пролетают быстро.

В восемь вечера третьего дня её заточения Эмили снова выдёргивает из медитации стук служанок в дверь. Она зовёт их войти, а затем, как обычно, благодарит, когда они уходят, но на этот раз всё время сидит с самодовольной улыбкой.

Перед глазами у неё висит обновлённая страница статуса.

[Статус]

[Имя:] Эмили Колдстоун

[Раса:] Человек

[Возраст:] 15

[Магический круг:] Первый круг

[Машинный кортекс:] Первая стадия

[Характеристики:] Сила 7, Ловкость 15, Подвижность 12, Живучесть 8, Интеллект 22 > 23

[Здоровье:] 115/115

[Выносливость:] 175/175

[Мана:] 180/330 > 180/345

[Машина:] 330/330 > 338/345

Понадобилось около двадцати часов медитации, чтобы поднять интеллект на единицу, и ни одна другая характеристика не выросла, так что пока буду считать, что медитация влияет только на интеллект. Похоже, каждая единица интеллекта даёт мне ещё пятнадцать маны и Машины.

Эмили съедает ужин и переходит к упражнениям. За последние два дня она заметила, что способность восстанавливать выносливость с помощью медитации снижается, чем больше она ею пользуется. Однако после сна всё сбрасывается.

Когда она уже собирается приступить к последней медитации за день, в дверь кто-то нетерпеливо стучит.

— Входите, — зовёт она, насторожённо глядя на дверь.

Служанки обычно не нарушают распорядок. Интересно, кто это.

Дверь распахивается, и на пороге появляется Хосе с лёгкой хмуростью на лице, уставившись на Эмили.

— Завтра будь готова к выходу к восьми утра. Я приду за тобой, чтобы отвезти тебя к причалам дирижаблей, — говорит он, даже не переступая порог комнаты.

— Хорошо.

Едва услышав ответ, он тут же закрывает дверь и уходит.

— Надо же, видно, как ему нравится со мной возиться. Интересно, куда они меня отправляют, — бормочет Эмили, отбрасывая вопросы прочь и погружаясь в медитацию.

На следующее утро Эмили просыпается и готовится к отъезду. Она прощается с неразговорчивыми служанками, съедает принесённый ими завтрак, а потом принимает долгий душ.

После душа она надевает мантию и наконец обувает туфли, которые получила в первый день своего заточения. Проверив Часы, она видит, что сейчас только 7:38, и садится медитировать

до прихода Хосе. После того как она увидела рост интеллекта, Эмили решила медитировать при любой возможности, чтобы как можно быстрее повысить свои характеристики.

Двадцать минут спустя, ровно в восемь, Хосе стучит в дверь. На этот раз Эмили встаёт и сама подходит открыть, вместо того чтобы звать его внутрь.

— Возьми это и иди за мной, — приказывает он, вручая ей довольно большой чемодан, после чего сразу разворачивается на каблуках и быстро идёт обратно по коридору.

Эмили молча следует за ним, стараясь не отставать от его стремительного шага, пока тащит багаж.

Если бы я не знала лучше, решила бы, что он пытается от меня оторваться. Он куда-то спешит? В прошлый раз мы так быстро не шли...

Причина спешки Хосе вскоре проясняется, когда они выходят из крыла для слуг. Перед ними, скрестив руки на груди и нетерпеливо постукивая пальцами, стоит Диего.

— Долго же вы, — говорит он с явным раздражением на лице.

Хосе останавливается и слегка склоняет голову.

— Прошу прощения, сэр.

— Неважно. — Диего переводит внимание на Эмили. — Тебя отправляют в Ковенант Благословенных, где обучаются элитные маги, работающие на королевство Модо. Пока ты будешь там, от тебя ожидается прохождение множества курсов, чтобы ты развивалась как маг и стала полезным активом для семьи. В подготовленном для тебя чемодане ты найдёшь несколько вещей, которые тебе помогут. Первая — это список всех курсов, которые ты обязана пройти. Они обязательны, а любые другие курсы ты можешь выбирать на своё усмотрение, если они не мешают тем, что указаны в списке. Вторая — это кристалл связи. Всегда держи его при себе и отвечай, что бы ни случилось, если он активируется. Любые указания, переданные через этот кристалл, должны восприниматься как приказы семьи и исполняться. Третья — серебряный фамильный герб. Ни при каких обстоятельствах ты не должна носить его открыто. Однако при регистрации ты обязана его предъявить. Из-за высокой оценки твоего таланта Патриархом тебе предоставлено содержание на уровне члена побочной ветви семьи, а не той простонародной мрази, которой ты являешься. Но у тебя есть только три года, чтобы достичь третьего круга. В противном случае лимит ресурсов для тебя снова сократят, а сама ты будешь жестоко наказана за растрату денег семьи. Как только достигнешь третьего круга, немедленно сообщи об этом через кристалл связи и жди дальнейших распоряжений. Понятно?

— Да, сэр, — отвечает Эмили, слегка склонив голову и обдумывая его слова.

Три года! Это столько мне придётся отсутствовать? Есть ли способ дать Анне знать?

— Хорошо. Отведи её к дирижаблю и сразу же возвращайся, Хосе.

Диего уходит сразу после того, как заканчивает отдавать приказы, а Хосе ведёт Эмили к воротам поместья.

Почему он сам пришёл читать мне эту речь, если явно не хотел здесь быть? А... это ограничение их заклинания промывки мозгов? Старейшина Сантьяго в своём напеве говорил: «сломлена и привязана к нашему семейному дереву», так что, возможно, обязательны к исполнению только приказы, отданные прямыми членами семьи. Это бы ещё объяснило, почему в тот день он отдельно велел мне слушаться всего, что скажет Хосе, и считать приказы из кристалла приказами семьи.

Пока Эмили размышляет о деталях использованного на ней заклинания промывания мозгов, Хосе выводит её за ворота и обратно на улицы города Эймдон.

Они сворачивают и идут на восток по одной широкой открытой улице. Навстречу попадаются патрули стражи с часовыми винтовками в руках; проходя мимо, они настороженно поглядывают на боковые улицы.

Чем дальше они уходят на восток, тем больше роскошные особняки вдоль дороги уступают место множеству лавок. Эмили разглядывает большие стеклянные витрины, за которыми выставлены дорогие свежие продукты и изящная одежда. С тех пор как её привели за городские стены, ей было запрещено даже приближаться к главной улице, так что это первый раз, когда она видит процветание города воочию.

Впрочем, наслаждаться зрелищем долго ей не удаётся: Хосе сохраняет быстрый темп, пробираясь сквозь всё более плотную толпу, и ей приходится прилагать усилия, чтобы не отстать. Люди перед ними расступаются, заметив герб Мандраго, и слегка склоняют головы, когда те проходят мимо.

Я думала, моё тело стало сильнее, так почему за ним всё ещё так трудно поспевать? Дурацкий багаж.

Вскоре внимание Эмили отвлекает громадное здание, появляющееся впереди.

В конце главной улицы возвышается металлический исполин, занимающий половину восточной стены и покрытый множеством труб и дымовых труб: причалы дирижаблей.

Когда они подходят на несколько сотен метров к огромному входу, чувства Эмили обостряются — она слышит скрежет шестерёнок и работающие паровые машины. За монотонным гулом механического чудовища угадывается характерный шум множества людей, и её

замерзённость только усиливается, когда они проходят внутрь.

Она с изумлением оглядывается, стараясь впитать всё разом. По краям потолка движутся платформы, приводимые в движение шестернями и перевозящие через весь комплекс уголь и грузы. Все поверхности выше человеческого роста опутаны сложными линиями труб, переплетающихся, как произведение искусства, а по всему залу на тросах висят механики, выполняя техническое обслуживание и ремонт.

Сам зал — кипящее море людей, толпа больше любой, какую Эмили когда-либо видела. Все заняты делом: кто-то спешит по боковым проходам, кто-то ставит ларьки и громко зазывает покупателей или пассажиров на разные направления.

Пока они проталкиваются через толпу, Эмили мельком замечает несколько небольших кораблей за людским потоком, уходящим в боковые проходы.

Постой, почему корабли стоят так далеко внутри? Я думала, им нельзя летать над городом...

Из мыслей её выдёргивает знакомая седая с проседью шевелюра, замеченная за прилавком с дорогими тканями. Взгляд Эмили приковывается к хозяину — пухлому мужчине с лёгкими морщинами на лице, прячущему хитрую улыбку под маской старческой дряхлости.

Грегори! Я и не знала, что он работает на причалах. Идеально! Через него я смогу передать Анне сообщение. Папа всегда говорил, что он свинья, которая за монету на всё пойдёт. Если я пообещаю оплату, он доставит письмо.

Эмили поднимает руку к нагрудному карману и активирует Часы, отправляя себя обратно в поместье Мандраго.

Она возвращается к утру предыдущего дня и быстро входит в тот же распорядок, которого придерживалась до прихода служанок с обедом. Когда те наконец появляются, Эмили останавливает их, прежде чем они успевают уйти.

— Прошу прощения, — говорит она, оставаясь вежливой в надежде, что они выполнят её просьбу. — Не могли бы вы принести мне ручку и бумагу?

Служанки безмолвно кивают и уходят. Эмили устраивается на кровати, не сводя глаз с двери и ожидая, вернутся ли они. Несколько минут спустя одна из служанок возвращается одна с пачкой бумаги и несколькими ручками, кладёт всё на туалетный столик и уходит, поклонившись.

— Спасибо, — говорит Эмили вслед, усаживаясь перед столиком писать письмо.

Я не смогу его запечатать — если просить полноценные письменные принадлежности, это

может привлечь слишком много внимания, — так что придётся не писать ничего, из-за чего Грегори мог бы донести на меня, если заглянет.

Она подносит ручку к бумаге — и замирает, не зная, что именно включить в письмо. Каждое слово, которое она пытается подобрать, тут же тонет в море вины и печали, и она раз за разом комкает и выбрасывает неудачные варианты, радуясь тому, сколько бумаги принесла служанка.

В конце концов она останавливается на сообщении, которое не передаёт всей тяжести её чувств, но хотя бы доносит смысл. Печально вздохнув, она кладёт ручку и поднимает руку к виску, глядя на лежащий перед ней лист.

Дорогая Анна,

Прости, что я ушла вот так. Я бы хотела всё тебе объяснить и как следует попросить прощения, но у меня нет слов, чтобы передать это на бумаге.

Я знаю, что тебе больно, но ты сильная. Я знаю, что ты снова поднимешься и пойдёшь дальше.

Обещаю, я тебя не бросаю. Я вернусь в течение трёх лет, и тогда всё тебе объясню.

Я очень тебя люблю. Никогда об этом не забывай.

С любовью,

Эми. Твоя сестра — навсегда и навеки.

Эмили вытирает слёзы со щёк, складывает письмо и откладывает его в сторону, после чего принимается за записку для Грегори — на этот раз слова текут куда легче.

Здравствуйте, Грегори,

Мы раньше не разговаривали, но я дочь Хербера Колдстоуна, Эмили Колдстоун. Сейчас я не могу поговорить с вами лично, но не могли бы вы передать вложенное письмо моей сестре, Анне. Она должна быть в лавке Хербера.

Передайте ей и эту записку, и она заплатит вам три серебряные монеты. (Скажите ей взять их из моих сбережений — она знает, где они лежат.)

Пожалуйста, кивните мне, если согласны.

Спасибо,

Эмили

Удовлетворённая, она складывает вторую записку вокруг первой так, чтобы текст оказался снаружи, после чего прячет их под подушку и рвёт неудачные черновики, стараясь не оставить никаких следов. Убедившись, что всё подготовлено, она возвращается к точному повторению прежних действий, дожидаясь ночи.

Следующий день проходит так же, как и первый, и, снова выслушав указания Диэго, Эмили вскоре опять идёт через причалы, как и раньше. Они подходят к прилавку, где она заметила Грегори, и Эмили медленно смещается в сторону, увеличивая расстояние между собой и Хосе, при этом внимательно следя за ним, чтобы убедиться, что он ничего не заметил.

Он даже не бросает на неё взгляда, пока Эмили скользит рукой под мантию, вытаскивает своё послание и на ходу бросает его Грегори на колени. Когда сложенный лист падает на него, тот вздрагивает и вопросительно смотрит на Эмили, но не говорит ни слова, пока она подчеркнuto смотрит на записку. Быстро поняв намёк, он поднимает бумагу и пробегает сообщение глазами, а Эмили возвращается ближе к Хосе, раз за разом оглядываясь на торговца.

Прежде чем их окончательно поглощает толпа, Грегори поднимает голову, твёрдо встречается с ней взглядом и кивает. Эмили беззвучно выдыхает с облегчением и снова переключает внимание на своего проводника, который ни о чём не догадывается.

Хосе ведёт её через главный зал, пока они не оставляют шумную толпу позади, свернув в пустой проход, над которым висит герб Мандраго. Стены коридора опутаны паровыми трубами, тихо шипящими, а шум у входа постепенно стихает, уступая место гулу механизмов и ритмичному стуку их шагов по металлу.

После нескольких поворотов проход выводит их в большой ангар, где стоит изящный бронзовый дирижабль. Его корпус тянется на сотню метров — сложенные и отполированные бронзовые пластины, усыпанные несколькими укрепленными стеклянными окнами по бокам. Из боков и днища торчат трубы, аккуратно направленные назад, а по обеим сторонам расположены по два небольших кия, на каждом из которых по три винта.

Огромный баллон сверху обмяк и лежит на гондоле, будучи частично сдутым и сохраняющим форму лишь благодаря внутреннему баллонету. Эмили с восторгом смотрит на корабль, несмотря ни на что радуясь возможности наконец увидеть один вблизи. Они спешат вперёд, и их встречают несколько членов наземной команды: те кланяются им и тут же возвращаются к подготовке к вылету.

Примерно на середине корпуса гондолы открывается люк. По откинувшимся с ним ступеням спускается невысокий худощавый мужчина с длинными каштановыми волосами, собранными в небрежный пучок, и в замасленных комбинезонах.

— Хосе! Это тот груз, о котором ты говорил? — окликает он с деловой улыбкой, подходя к ним.

— Да, это Эмили. Её отправляют на обучение в столицу.

— Понятно. И на этот раз без солдат?

— Да, она одна из наших, не требуется.

С этими словами Хосе разворачивается и уходит обратно к проходу.

— Вечно он немногословен, — пожимает плечами мужчина, поворачиваясь к Эмили. — Меня зовут Антон, я капитан этого прекрасного судна. Очень приятно познакомиться, Эмили!

Он слегка кланяется, не отводя взгляда, и в его глазах мелькает настороженность.

— Мне тоже приятно, Антон. А как её зовут? — с улыбкой спрашивает Эмили, кивком указывая на корабль.

Взгляд Антона смягчается, и он отвечает:

— Я зову её Калипсо. Никакого особого смысла, просто решил, что ей подходит красивое имя.

— Она прекрасна. А насколько быстро она летает?

— В хороший день может разогнаться до ста километров в час, но в этом рейсе, скорее всего, будем держать около восьмидесяти. До Хрони доберёмся к утру послезавтра. Поднимайся на борт, я покажу тебе всё до вылета!

Явно довольный тем, что Эмили проявила интерес, он направляется к люку корабля. Они входят внутрь — в короткий коридор с проходами в обе стороны и табличкой-указателем, свисающей с потолка.

— Начнём с кают команды, чтобы ты могла оставить багаж, потом обойдём остальные помещения и закончим на мостике, как раз к вылету.

— Хорошо. А как вы вообще взлетаете отсюда? Я думала, кораблям нельзя летать над городом.

— Ха-ха, это как раз одна из лучших частей. Но пока не буду портить сюрприз. — Антон ведёт её направо, подальше от носовой части корабля.

Стены узкого коридора, к которым Эмили уже начинает привыкать, снова усеяны трубами, а пол сложен из гладких заклёпанных плит. После нескольких поворотов, уводящих их глубже в корпус, они поднимаются по крутой лестнице и выходят в коридор с шестью дверями с каждой стороны и табличкой наверху: «Каюты экипажа».

— У нас небольшой экипаж — всего десять человек, пять дневных и пять ночных, так что здесь есть пара свободных кают. Дневная смена живёт слева, ночная — справа. Полагаю, ты не ночной зверёк, так что можешь занять вот эту.

Антон открывает дверь в самом конце коридора слева, показывая маленькую каюту с одной кроватью и небольшой масляной лампой, прикреплённой к стене над ней.

— Знаю, здесь не ахти как, но боюсь, на несколько дней тебе придётся довольствоваться этим.
— Он неловко чешет затылок, пока Эмили проходит мимо него внутрь.

— Всё нормально, я жила и в худших условиях, — отвечает она, ставя чемодан на кровать.

Антон приподнимает бровь, услышав это, но быстро отмахивается от мысли и снова жестом зовёт её за собой.

— Почему бы нам не начать с двигателей?

Воодушевление Антона оказывается заразительным, и Эмили с готовностью следует за ним дальше, в самое чрево зверя.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/17112/1597906>